

Зло причиняет себе, кто ручается за постороннего,
а кто ненавидит ручательство, тот безопасен.

Книга Притчей Соломоновых, глава 11(15)

Паттайя-сити...

Прекрасный тихий город на юге Таиланда, утопающий в тропических цветах и пальмах. Три ряда длинных улиц, в виде подковы обогнувших Сиамский залив, вытянулся он вдоль морского побережья. Величественно-монументально высятся белые небоскрёбы гранд-отелей, фешенебельных ресторанов, супермаркетов, жилых зданий.

Сверкают в ослепительных лучах экваториального солнца золочёные буддийские храмы и статуи. Здесь полно головокружительных аттракционов. В вольерах ферм жадному взору туриста предстают слоны и тигры, кобры, удавы, крокодилы. В огромных аквариумах плавают акулы, скаты, мурены, гигантские черепахи. Днём чистые песчаные пляжи переполнены отдыхающими из многих стран мира. А в ночные часы, когда спадает жара и зной сменяется влажной духотой, разноязычной речью оглашаются питейные, увеселительные, игровые, массажные заведения, площадь Дельфинов, магазин-гигант «Ройял Гарден Плаза», пеший Уолкинг-стрит, ночной рынок, стриптиз-шоу.

В разноцветье бегающих рекламных огней, радужным светом которых залита ночная Паттайя, толкаются негры в белых туниках, протискиваются сквозь толпу гуляющих чопорные японцы в строгих чёрных костюмах, галдят неутомные китайцы, одетые, словно инкубаторные цыплята, в одинаковые жёлтые футболки, важно выступают индусы в чалмах и бритоголовые непальские ламы в монашеских одеяниях. Мелькают красные турецкие фески и арабские тюрбаны, широкополые мексиканские сомбреро. Форсят татуировками и космами длинных волос европейцы. В ярких шортах и мятых потных майках с надписями типа «I am blue», с серьгой в одном ухе, важно, будто надутые индюки, вышагивают американцы. Выразительными жестами и завораживающими улыбками приглашают клиентов тайские девушки — ночные «бабочки», многие из которых трансвеститы.

Носятся по городу «тук-туки» — автомобили такси с брезентовым верхом и лавками вдоль бортов. Вход в низкий салон, открытый приятно освежающему ветерку, по ступенькам сзади. Снуют на скутерах, мопедах, мотоциклах с прицепами приветливые, жизнерадостные тайские торговцы, предлагают сувениры — изделия народного промысла: деревянных слоников, ремни и кошельки из крокодиловой и змеиной кожи, жемчужные ожерелья, украшения-подвески из морских ракушек, — а также экзотические кушанья: жареных тараканов, акулью печень, омаров, крабов, лангуст, креветок, осьминогов.

Паттайя-сити...

Прибежище российских воротил бизнеса, скупающих здесь недвижимость. Уголовники всяких мастей, предприниматели — жулики, мошенники, скрывающиеся от преследования в России по закону, обосновались в Паттайе. Неплохо устроились в роскошных квартирах, открыли свои кафешки, лавчонки, турфирмочки.

Паттайя-сити...

Сказочное место в миролюбивом Королевстве Таиланд. Райский уголок для приятного, беззаботного отдыха. В дневное время изумрудная гладь лагуны белеет парусами яхт, пенящими воду катерами, таскающими за собой на длинных фалах парашюты с экстремалами.

Ночью Сиамский залив озаряется бесчисленными огнями большегрузных судов, пассажирских теплоходов, морских трамваев и неоновых реклам города, отражённых тёмно-зеркальной поверхностью моря. Они вспыхивают, фосфоресцируют, сверкают, переливаются, загадочно перемигиваются, завлекают в ночные клубы, где много шумной музыки, танцев, веселья и любви.

...Вилла гендиректора торговой компании Steel, занимающейся поставками стали в Таиланд, — на самом берегу Сиамского залива. Морские волны с шумом прибоя набегают на мраморные ступени террасы, увитой бело-розовыми цветами магнолий и орхидей. В кресле-качалке, в тени пышной кокосовой пальмы, наслаждался утренним бризом господин Анри Жевьен, хозяин этого царственного великолепия архитектуры и природы, искусно выраженного художником-дизайнером.

Господин Анри Жевьен лишь под утро вернулся из ночного клуба и теперь, подрёмывая, нежится в горячих лучах. «Как хорошо, что есть на земле местечко непроходящего лета с вечнозелёными пальмами, — думалось ему, — где можно спрятаться от жгучих сибирских морозов, от прокурора и налоговой инспекции... Ха-а! Свой бизнес в Паттайе! Фамилию и гражданство поменял! Француз Анри Жевьен! Круто! Не найдут ни майор Евдокимов, ни братки, которых нагрел на махинациях с бензином...»

Анри Жевьен, он же Николай Метёлкин, выпил чашечку кофе, съел кусочек ананаса и блаженно вытянул ноги. Хорошо-то как! Ни тебе узких фарватеров... Ни мелей... Ни рыбаков, осаждающих его танкер с канистрами, баками, цистернами... Ни вечной дрожи в коленках: «А вдруг поймают, возьмут с поличным... Кто стучит в дверь? Уж не за мной ли полиция?»

Всё сейчас у него шито-крыто... Деньги за аферы с бензином отмыты в швейцарском банке... Переведены в доллары... В тайские баты... Теперь к нему не подкопаешься... Бизнесмен Анри Жевьен! Генеральный директор компании «Стил»!

Глаза прикрылись веками... Руки, лежащие на подлокотниках кожаного кресла, выточенного из тика, незаметно

ощутили дубовую твердь рукояток штурвала на ходовом мостике танкера. Кресло-качалка превратилось в гулкую палубу судна, раскачиваемого речными волнами...

...С наступлением сумерек танкер «Бахметьевск», громыхнув цепями, бросил якоря посреди реки. Мощный винт, вспенивая воду за кормой, помогал судну противостоять встречному течению, удерживал на одном месте. Гул грохочущих дизелей оглашал залитые половодьем береговые заросли тальников, эхом отдавался в таёжных склонах. Дрожала нагретая июльским солнцем палуба. Волны били в борт нефтеналивного судна, сотрясали корпус.

Уже совсем стемнело, когда двое мужчин притащили на корму упирающегося изо всех сил человека. Его рот был заклеен липкой лентой, руки схвачены сзади наручниками, а на шее болталась верёвка с петлёй.

Топовый огонь на мачте тускло освещал мрачную картину ужасной драмы, которая вот-вот должна была разыграться на юте танкера. Судя по тому, что к ногам мычащего человека привязали двухпудовую гирю, должно было случиться что-то страшное и непоправимое. Об этом говорило перекошенное животным страхом лицо жертвы.

Один из двоих, парень в матросском тельнике с засученными рукавами, с рыжеватыми кудряшками под беретом, курил сигарету в ожидании злодейской расправы над беспомощным человеком. Другой, в морской фуражке с белым чехлом и в кителе с погончиками капитана, попыхивал трубкой, негромко и с расстановкой говорил речь. Начал он с извинений и покашливаний:

— Ты, конечно, извини, Борис... Мне очень жаль, что электрик Васин, за которого ты поручился, оказался стукачом... В сложившейся ситуации вижу один выход: отправить тебя на дно к рыбам... Чтоб тем, кто не умеет держать язык за зубами, послужило уроком... Думаешь, нам хочется это делать? Но пойми, Борис, нас правильно. Твой протез же засветился в компании опера утро майора Евдокимова. Наши ребята видели Васина в кабинете этого рьяного сыщика, на рыбалке вместе с ним... О чём они там мило беседовали, Борис? Догадаться нетрудно. Полагаю, не только

о поклёвке и погоде... Скорее, о том, как мы сливаем бензин из нашего танкера в ёмкости рыбаков... За полцены... Им хорошо... И нам навар... А теперь, Борис, финита ля комедия... И всё из-за твоего Васина... Не к ночи будь он помянут... Твой приятель, понятно, растрепал оперу, как ты перекачивал горючку в цистерны наших компаньонов по бизнесу... Возьмут тебя следаки за жабры, раскрутят — и весь наш дружный экипаж отправится на лагерные нары... Так не лучше ли тебе спрятаться на дне? От Васина мы вчера избавились. Вкололи ему бычью дозу наркоты... Ревел белугой, не давался... Загнулся, как таракан под дихлофосом. Экспертиза покажет: передозировка... Сейчас твой черёд, Борис. Поручился за него под залог — платить надо по полной. Ведь как советует мудрый Соломон, говоря о залоге: «Возьми платье его, так как он поручился за чужого; и за стороннего возьми от него залог». Глава двадцать, стих шестнадцать... Хотя тебе эти знания уже ни к чему... Я предлагал тебе, Борис, дать залог в сто тысяч «зелёных»... Ты отказался... Сказал, что ручаешься за Васина головой... Слово надо держать. Верно, Крыж?

Коренастый, крепко сбитый матрос, нетерпеливо слушавший долгую тираду капитана, с готовностью кивнул. Схватился за цепочку, ограждавшую проход между леерными стойками, подпихнул к нему гиру.

— Может, пора его за борт, Николай Дмитриевич? На камбузе кофе стынет... И фильм угарный по телеку идёт...

Капитан предупредительно поднял руку:

— Погоди, Крыж... Я ещё не закончил диалог...

Он раскурил потухшую трубку и сказал так, будто не было перед ним человека с удавкой на шее и с гирей на ногах:

— Волна разгулялась... Трудно будет толкачу швартовать баржу к нашему борту... Ты проверил шланги, Крыж?

— Так точно, господин капитан...

— Теперь вместо Бориса будешь заведовать запорным вентилем... И доля твоя увеличится...

— Спасибо, Николай Дмитриевич...

Человек в наручниках мычал заклеенным ртом, бесильно дёргался, задыхался в удавке, наброшенной на шею и примотанной к лееру. Глаза его, широко открытые,

молили о пощаде, но капитан не замечал их, занятый трубкой. Пыхнул дымком, продолжил убийственную речь.

— Знаю, Борис, что если тебе сейчас разлепить рот, — со спокойной неторопливостью говорил он, — ты начнёшь оправдываться, просить прощения. Но веры к тебе у меня уже нет... Сам посуди: что будет с командой «Бахметьевска», если опер Евдокимов с твоей подачи раскопает хищение бензина? Нас всех повяжут, Борис... Ты уж постой там, на дне, подумай хорошенько, взвесь все «за» и «против»: почему Васин снюхался с майором Евдокимовым? Не с твоей ли подачи, Борис? Помнится, в пьяном угаре ты грозился всех сдать... Тебя обидели при дележе? Нет, не обидели... У нас каждый честно получает свою долю согласно занимаемой должности... Верно, Крыж?

Матрос подобострастно кивнул и вынул нож. Церемония бессмысленных нравоучений ему порядком наскучила.

— Вот видишь... А ты поручился за Васина головой... Должок придётся вернуть, Борис... Ты подставил всех нас... Мне, право, очень жаль... Ты был хорошим мотористом... Этого никто не отрицает... Кстати, я сообщил диспетчеру порта, что ты ушёл в город за пивом и не вернулся. Мы вышли в рейс, получается, без тебя... Пусть ищут... А здесь, Борис, под килем сорок пять метров... Кто найдёт тебя на такой глубине? Да и в голову никому не придёт искать тебя здесь... Нам улики не нужны... Ну ладно... Авось свидимся на том свете... Скоро буксир подойдёт за халявным топливом для иномарок. Загоним тонн шестьдесят и, пока не улягутся страсти, притухнем на время... А всё из-за тебя, Борис... Из-за твоего ручательства... Пасут нас... Бывай... Извини... Некогда читать лекции о любви и дружбе... Буксир с баржей на подходе...

На манер римских кесарей капитан опустил большой палец книзу, и матрос одним взмахом ножа отрезал удавку от леера. Сбросил цепочку ограждения и столкнул несчастного за борт. Увлекаемый тяжёлой гирей, моторист стоямя с лёгким всплеском мгновенно ушёл в воду. Крыж деловито набросил леерную цепочку на крючок.

— Ну так я пойду, Николай Дмитриевич?

— Зайдёшь ко мне после того, как отвалит буксир... За вознаграждением, — сказал капитан, отправляясь в ходовую рубку.

Матрос Крыжовников, насвистывая марш тореадора, заторопился на камбуз, где пахло горячим кофе, слышался смех, и стучали костяшки домино.

Откуда-то из фиолетового мрака расплывчатым призраком выполз чёрный силуэт речного толкача с баржей-бензовозом. В свете прожектора сноровисто работали речники. Пришвартовали баржу, быстро перекинули на неё толстый гофрированный шланг, и Крыжовников открыл вентиль. Пеннистая струя бензина упруго ударила в пустую цистерну, зазвенела внутри, наполняя её. Когда бензин, перекачанный с танкера, достиг горловины огромной пузатой ёмкости, Крыжовников закрутил задвижку. С буксира на палубу танкера перебрался человек в куртке с наброшенным на голову капюшоном и с кейсом в руке. Легко взбежал по трапу, поднимаясь в капитанскую каюту.

— Здесь вся сумма... Будете пересчитывать? Нет? — выкладывая деньги на стол, сказал он. И обеспокоенно бросил: — К пристани Ольховой не подходите... Возможна засада... Кто-то настучал в полицию, что в Ольховой вы сливаетесь...

— Разобрались... Больше не настучат... Но несколько рейсов придётся сходить без навару...

Буксир и баржа опять растворились в темноте.

«Бахметьевск» выбрал якоря, прибавил винтам оборотов и ходко двинулся вверх по реке. Миновал Ольховую, к большому разочарованию сотрудников полиции, затаившихся в прибрежных кустах в ожидании перекачки украденного бензина.

— Кто-то предупредил капитана «Бахметьевска», что мы стережём их, — досадливо покусывал травинку майор Евдокимов. — Эх, Васин... И угораздило тебя сесть на иглу... Или тебя посадили на неё... Выясним... Накроем эту шайку-лейку не сегодня, так завтра... Как пить дать накроем...

Капитан «Бахметьевска» Николай Метёлкин был другого мнения, прямо противоположного намерению оперуполномоченного уголовного розыска майора полиции Евдокимова.

— Врёшь... Не возьмёшь, — вслух размышлял он, складывая деньги в сейф-тайник, вмонтированный в книжный шкаф.

Одну пачку крупных купюр откинул в сторону. Накрыл её фуражкой, когда в дверь каюты постучали.

— Войдите, — коротко сказал капитан, закрывая сейф книжной полкой.

Вошёл матрос Крыжовников. От него несло бензином, как от неряшливого шофёра.

— Твоя доля, Крыж... Ты отличный парень... И толковый матрос... С понятием... Слушай меня во всём — и будешь купаться в деньгах... Предлагаю стать моим зятем... Дочка у меня засиделась в девках... Женись... Придём в порт, я вас познакомлю... Принеси чаю с лимоном... И не забудь постирать мне носки...

Предупреждённый о засаде полиции и готовящихся проверках, Метёлкин решил не рисковать и прекратить воровство бензина из танков «Бахметьевска». Временно... До лучших времён, которые так и не наступили. Против команды «Бахметьевска» и других экипажей, уличённых в хищениях и перепродаже бензина, возбудили уголовное дело.

Метёлкин не стал дожидаться ареста. Добыл фальшивый паспорт гражданина Франции Анри Жевьена. Прихватил чемоданчик с долларами и в одно дождливое утро проснулся в салоне «Боинга» от грохота его колёс, бегущих по взлётно-посадочной полосе аэропорта Бангкок...

...Он вздрогнул, заслышав за спиной стук гэта — деревянных японских сандалий. И самолётное кресло вмиг стало качалкой на террасе его роскошной виллы.

— Тебе чего, Сато?

Синий шёлк кимоно прошуршал широкими ниспадающими рукавами.

— Анри-сан... К вам господин Крыжовников, — учтиво кланяясь, доложил дворецкий Сато Ямакава.

— Кажется, я задремал, Сато... Коньяк подай и скажи зятю... Пусть войдёт...

— Слушаюсь, господин Анри-сан...

Сато с поклоном удалился, унося в белых перчатках кофейный сервиз из тончайшего китайского фарфора. Скоро возвратился с серебряным подносом, на котором

поблѣскивали бутылка армянского коньяка и хрустальная рюмка в золотом обрамлении.

Вошёл невысокого роста толстяк в тёмных очках, в пятнисто-оранжевых шортах и в белой футболке с изображением слона — символа Таиланда. На лысеющей голове с прядями рыжевато-седых волос — бейсболка с длинным козырьком.

— Доброе утро, Николай Дмитриевич! — с заискивающей улыбкой поздоровался он.

— Здорово, Крыж! — не отрываясь от кресла и не подавая руки, ответил гендиректор компании «Стил». — Опять денег в долг пришёл просить? Думаешь, если женился на моей дочери, то я отвалю тебе тысячу баксов и ты опять просадишь их в казино? Не надейся, зятёк...

Сато налил в рюмку коньяк.

— Не для себя прошу, Николай Дмитриевич! Брату хочу помочь... Турфирму он открыл... Здесь, в Таиланде... Мы же с вами давно знакомы, Николай Дмитриевич... Вместе начинали на «Бахметьевске»... Я — матросом... Вы — капитаном...

— Много воды утекло с тех пор в той реке, по которой мы ходили на том славном танкере... Я компанию создал за это время... Ты срок отмотал... О своей семье беспокойся, а не о чужой... О жене, дочуре моей... Пора бы вам уже сделать меня дедушкой...

— Брат мне тоже не чужой... Раскрутится — вернёт долг... Могу за него поручиться.

— Ты, Крыж, забыл про моториста, который поручился за приятеля?.. За Васина, который сдал всю нашу команду и тебя в том числе... Из-за того поручительства мы все лишились навару, а ты, Крыж, схлопотал семерик... Поверил я тогда мотористу на слово, взял его дружка на судно... А что получилось?

— Брату я верю...

— Вижу, не читал Библию, которую я передал тебе в зону... Иначе не стал бы сейчас ручаться за кого-то... А что сказал мудрый Соломон? «Не будь из тех, которые дают руки и поручаются за долги». Книга Притчей, глава двадцать два, стих двадцать шесть... Уразумел? Нельзя ни за кого ручаться...

— Слово даю: верну долг! Вот рука моя!

Метёлкин-Жевьен протянутую руку зятя оставил без внимания. Одним глотком опорожнил рюмку с коньяком, заел ананасом. Сато поднёс трубку из тика, украшенную витиеватой резьбой тайского умельца. Бывший капитан «Бахметьевска» раскурил её и, попыхивая дымком, рисуясь, с пафосом сказал:

— А вот тебе другая притча Соломонова: «Человек малоумный даёт руку и ручается за ближнего своего», — и для убедительности добавил: — Глава семнадцать, стих восемнадцать...

— Так вы... Так ты дашь денег? — теряя терпение, выкрикнул Крыжовников.

— Под залог, Крыж... Что ты дашь в залог? Ведь у тебя ничего нет... Ты всё спустил за карточным столом в казино...

— Какой ещё залог, к чертям собачьим?! Вы что, не верите мне, па-па? — насмешливо, с ехидцей, спросил Крыжовников. — После того, как повязали всю нашу братву за аферы с бензином, я отсидел своё... От звонка до звонка... Как запахло жареным, ты слинял за кордон, бросил меня и свою семью... И не помог мне выкрутиться или хотя бы скостить срок... Нанять хорошего адвоката... Нет, дорогой папаша... Не забыл я того моториста, который всё ещё тычком стоит на дне реки... И Васина тоже, уколотого по твоему приказанию... Одной удавкой мы с тобой повязаны... И только я один знаю, кто ты есть на самом деле. Может, посидишь на старости лет на киче, па-па?

— Ладно... Не кипятись... Всё же ты зять мне... Сколько просишь, Крыж? — уже миролюбивым тоном произнёс тесть.

Заметно волнуясь, щёлкнул пальцами, и Сато наполнил рюмку коньяком. Выпил, заел кусочком ананаса, собираясь с духом.

— Так сколько, Крыж?

— Два миллиона баксов... И ни долларом меньше...

Гендиректор компании «Стил» взял курительную трубку, но она выпала у него из рук. Сато услужливо поднял, подал:

— Пожалуйста, господин Анри-сан...

Пытаясь успокоиться, он пыхнул сизоватым дымком, закашлялся.

— Это грабёж, Крыж... У тебя хватка акулы...

— У меня был хороший учитель... Так я жду... Может быть, мне позвонить в полицию, господин капитан? Или как вас теперь называть? Месье Жевьен?

Трясущимися руками Метёлкин-Жевьен достал из-за пазухи чековую книжку и выписал счёт. На миллион долларов. Вырвал драгоценный листок, не решаясь отдать зятю. Он понимал, что от этого невзрачного на вид банковского бланка зависели сейчас его судьба и жизнь. Он ещё не знал, каким образом, но в любом случае этот миллион ставил его в тупик. Не отдать — париться в тюрьме всю оставшуюся жизнь. Отдать — лишиться всего... Раздумывал, медлил и, наконец, не глядя на зятя, отдал ему чек.

— Вот... На яхту копил... Хотел вам подарить... В долг даю... Потом отдашь... Ты обещал...

— Непременно... Верну сполна, — нетерпеливо слотнул слюну Крыжовников.

Выхватил чек, пробежал глазами: так, сумма, роспись — всё в порядке... Сунул листок в карман, многозначительно глянул на Сато. И тотчас из рукава кимоно блеснул большой шприц с длинной иглой. Дворецкий вонзил её хозяину в спину. Метёлкин охнул, раскрыл рот, хватая воздух, навалился на столик. Зазвенели осколки разбившейся бутылки, запахло разлившимся коньяком.

— Скорее в машину его! — распорядился Крыжовников и со злом пнул лежащего тестя. — У, гад! Столько лет унижал меня... Носочки ему постирай! Крыжом звал!

Вдвоём они забросили бесчувственного гендиректора компании «Стил» в багажник «Лэнд Крузера» и поехали на окраину Паттайи. В колючих зарослях кактусов остановились, прислушались. Тихо. Выволокли из машины грузное тело Метёлкина, ещё спящего после сильной дозы снотворного, сцепили ему руки за спиной, заклеили скотчем рот.

Дворецкий достал бутерброды, термос с чаем.

— Подождём, пока стемнеет... — сказал он.

Метёлкин пришёл в себя на крокодиловой ферме. Осознал ужас своего смертельного положения и стал на

колени. «Только не это!» — говорили его глаза, готовые выскочить из орбит. Он бился головой о деревянную изгородь загона, стараясь прикончить себя прежде, чем его бросят туда. Разбивал в кровь лицо, мычал, в то время как его зять равнодушно произносил язвительную речь:

— Ты меня извини, па-па... Ты думаешь, я женился на твоей чучундре из-за пылких чувств? Ошибаешься, па-па... Нужна мне твоя чувырла... Пусть её пьяный папуас любит... Или орангутанг африканский... Денежки мне нужны были... Поделим с твоим дворецким. И не Ямакава он вовсе, а Хабибулин Ахат... Из Казани родом... Под япошку молотил... Так у нас задумано было... Ждали, когда ты лимончики свои накопишь... Дождались... По миллиону баксов на рыло выйдет... Нехило, правда, господин капитан? А про брата я шнягу прогнал... Мне самому эти денежки сгодятся.

Бывший матрос танкера «Бахметьевск» похлопал бывшего своего капитана по дряблой щеке и обернулся к Хабибулину, махавшему перед мордами крокодилов ощипанной курицей, подвязанной к шесту.

— Раздраконь этих тварей посильнее, чтобы они схавали его без остатка... Нам улики не нужны... Ведь так, па-па? Хабибулин расхохотался, отбросил пустой шест.

— Они и так злые... Их неделю не кормили... Не успел курицу поднести, как сразу сглотили её...

— Может, не нужно в наручниках бросать? Не прокается потом крокодил, который сожрёт его...

— Какое нам дело до здоровья крокодила? — безразличным тоном ответил бывший дворецкий бывшего хозяина. — Хватит нюни разводить, Анри-сан... Крокодилы ням-ням хотят... — рассмеялся он, с трудом удерживая бьющееся в конвульсиях тело.

— Да, папаня... Должок обещанный я тебе возвращаю... На! Получай! Вот тебе, вот... — Крыжовников несколько раз зло пнул тестя, которого все эти годы терпеливо называл на «вы». — Библию мне в лагерь прислал... Свинья! Нет бы денег передать... Колбасы, сала, масла, чаю... Священным Писанием попотчевал! Чтобы я притчи Соломоновы читал... Ума набирался... Да видал я их кое-где! И у меня, и у Ахата уже паспорта другие... Мы — граждане

Соединённых Штатов, да будет тебе известно... Он — Смит Уоррен. А я — Джон Бэккер... Я знаю, па-па, что если тебе открыть рот, ты начнёшь визжать и просить не бросать тебя к этим чудовищам... Мне очень жаль, но пойми правильно: нет лучшего способа избавиться от человека, чтобы от него не осталось никаких следов... Ушёл ты вчера в ночной клуб и до сих пор не вернулся... И уже никогда не вернёшься... Да и кто тебя будет искать на этой вонючей ферме? В грязном болоте, среди сотни зубатых хищников? Ты же поданный Франции! Анри Жевьен! Уразумел? Тогда давай, вперёд! Не поминай лихом, па-па! Некогда мне читать тебе лекцию о любви и дружбе... Нам ещё в аэропорт надо... Поскорее лиять отсюда...

Крыжовников и Хабибулин подхватили изогнувшееся в предсмертной судороге трепещущее тело и перебросили через загородку в темноту южной ночи, покрывшей болото. Оно шлёпнулось в мутную жижу, где тесно, бок к боку, громоздились, напозая друг на друга, грязно-серые огромные крокодилы. Отвратительные пресмыкающиеся заворочались, завозились, захлопали широкими зубастыми пастьми, вырывая один у другого долгожданную и столь лакомую добычу...

...Авиалайнер «Боинг-757» компании «US Airlines», уверенно набирая высоту, поднимался всё выше к облакам, в далёкую Америку, унося на своих крыльях безжалостных убийц. Там их ждала не менее трагическая участь. Они пока не знали о том, что расплата их будет ещё более ужасной, а если бы узнали вдруг, предпочли бы выпрыгнуть из самолёта или упасть вместе с ним в океан.

А в Паттайе-сити горели, сияли огни. Радужно переливались на чёрной ночной глади Сиамского залива. Искрились разноцветными брызгами. Манили вновь и вновь приезжать в этот приветливый, гостеприимный, сказочно-прекрасный город на юге доброго Королевства Таиланд.